Старик — А. Блохин,
Мальчик — М. Керин

ТРУДНО БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

В **Российском Академическом молодежном театре** состоялась премьера спектакля «**Дом с башенкой**». Эта сценическая версия дебютного рассказа **Фридриха Горенштейна** совпала с **85-летием** со дня рождения писателя, появившегося на свет 18 марта 1932 года в Киеве, и с 15-й годовщиной с момента его кончины 2 марта 2002 года в Берлине.

Поставила спектакль молодой, уже хорошо известный зрителям и уважаемый критикой режиссер, выпускница РАТИ (курс **Сергея Женовача**) **Екатерина Половцева**, совершившая тем самым своего рода профессиональный поступок. И не только потому, что перевод прозы на язык театра зачастую неизбежно связан с риском стилистических и смысловых потерь. А, скорее, из-за отсутствия малейшего намека на театральность в произведении Горенштейна, предназначенном, думается, преимущественно для чтения. Но это мнение во многом опровергает «сочиненное» Половцевой на его основе действо.

Действо камерное, показанное на расположенной буквально «под крышей» РАМТа так называемой «**Маленькой сцене**» театра, что, конечно, объясняется автобиографическим, каким-то даже интимным характером литературного первоисточника. Ведь Горенштейн создал его под влиянием впечатлений о собственном детстве, сов-

Он — М. Керин

павшем с Великой Отечественной войной. И портрет автора, вывешенный в фойе наряду с другими, запечатлевшими Фридриха Наумовича в нежном возрасте снимками (соответствующие материалы предоставлены РАМТу **Юрием Векслером**), ненавязчиво указывает на то, что сам Горенштейн как бы приглашает нас прикоснуться к той суровой, полной тяжелых испытаний поре.

И совсем не случайно в «фокусе» спектакля молодой фотограф. В программке — это просто Он (**Максим Керин**). Персонаж, отсутствующий у Горенштейна, но необходимый Половцевой (при всем ее бережном отношении непосредственно к тексту), как некое альтер-эго автора, дабы мы восприняли все происходящее чередой его многочисленных, почти полярных по настроению «диалогов» со своими воспоминаниями.

А воспоминания эти невольно провоцируются посетителями скромного провинциального ателье (судя по незатейливому антуражу — старенькому фотоаппарату, наборам громоздких, несколько аляповатых фоновых щитов с видами природы, маленькому зеркальцу — примерно 60-х годов XX века), желающие сняться, скажем, для доски почета или для художественного фото. Казалось бы, обычные ситуации, однако все эти люди невольно напоминают фотографу кого-то из его прошлого, эпизоды которого похожи на яркие фотовспышки, возникающие неожиданно, спонтанно и для самого героя, и, соответственно, для публики. И эта грань между реальностью и тем, что уже отошло в историю, в спектакле РАМТа чрезвычайно тонка.

Вследствие чего Он, натянув на голову видавшую виды шапку-ушанку и надев поношенную курточку, получает шанс представить себя Мальчиком, высаженным вместе с умирающей от тифа матерью на заброшенной железнодорожной станции. Да и игровое пространство благодаря сценографу (и художнику по костюмам) **Ирине Уколовой** способно трансформироваться, превращаясь из рабочего места героя в больничную палату, а затем в подобие городской площади и поезда. И везде судьба готовит Мальчику встречи с целым рядом человеческих типов — приятных и не очень, а иногда и

Девчонка — А. Ковалева, Он — М. Керин

вовсе странных, словно забредших сюда из какой-то жутковатой сказки.

Таким метаморфозам спектакль оказывается обязанным необычной, не бытовой атмосфере. И это в свою очередь поможет даже самой эмоционально не восприимчивой части публики все же «подключиться» к переживаниям юного существа, чей внутренний мир разрушен войной и внезапным сиротством. Он еще не осознал масштаба обрушившейся на него катастрофы, которая, как нам известно, станет фактом всей его биографии.

Прислушиваясь к точным реакциям зала, понимаешь, что большинство зрителей по личному опыту знают, как детские и юношеские потрясения отражаются на дальнейшей жизни, заставляют снова и снова размышлять о правильности того или иного поступка, мысленно прокручивать ту или иную ситуацию. И как подчас прочно врезается в память что-нибудь вроде не раз упоминаемого по ходу сюжета загадочного дома с башенкой, где всего-навсего расположена почта, откуда Мальчик должен дать телеграмму деду…

Вероятно, все это знакомо также и артисту Максиму Керину, иначе он не существовал бы в спектакле столь трепетно, с ясно выраженной сердечной интонацией. Керин — по праву лидер актерского ансамбля, в котором каждый из участников в соответствии с условной природой спектакля примеривает на себя несколько образов. Из них особо выделяется похожий на большого ребенка Старик (**Алексей Блохин**), просто и без всякого пафоса говорящий том, что «в трагическое время трудно быть человеком, трудно вообще быть человеком».

Эту фразу сразу хочется продолжить: да, трудно, но надо постараться. Не ради ли такого простого, в общем-то, банального, но по сути верного вывода писал свой рассказ Фридрих Горенштейн и ставила свой спектакль Екатерина Половцева? И приходится ли сомневаться в совпадении этих слов с остающимися неизменными на протяжении долгого времени творческими и нравственными позициями Российского академического молодежного театра?

Майя ФОЛКИНШТЕЙН

Фото предоставлены театром